

30 ИЮН 1981

ЛИССОМОВСКАЯ ПРАВДА
г. Москва

158

Сегодня в Москве открывается VII съезд писателей СССР. Одна из традиций советской литературы — наставничество. Мастера слова помогают молодым писателям добрым советом, мудрым вниманием.

Сергей БАРУЗДИН:

— Впервые имя Георгия Караваева я услышал от К. М. Симонова и Ю. В. Трифонова. Они умели и любили работать с молодыми, и, как говорится, не по долгу службы, а по велению сердца. И вот настал день, когда они оба привели Г. Караваева в редакцию «Дружбы народов» и оба рекомендовали два рассказа этого автора: «У меня появился брат» и «День рождения». Рассказы небольшие, но они поражали своей жизненной достоверностью и необычностью стилистики.

Мы напечатали эти рассказы в пятом номере «Дружбы народов» за 1981 год с предисловием Ю. В. Трифонова, увы, поставив его имя в черную рамочку... Есть в моей переписке письма К. М. Симонова, в которых он с увлечением и радостью говорит о рассказах Г. Караваева.

Симонов и Трифонов были

очень разными художниками, но, видимо, они не случайно нашли одного писателя, очень даровитого и так не похожего на них самих.

Читая рассказы Г. Караваева, невольно думаешь, у кого он учился. Может, и у Симонова, и у Трифонова — ведь пришел он именно к ним, и все же спектр его учителей шире. Но это не просто «ученичество», а скорее внутренние привязанности, ибо ничего ученического в рассказах Г. Караваева нет. Более того, в литературу он пришел не как начинающий, а смею сказать, как зрелый мастер, сложившийся и профессионально умелый, зрелый.

Теперь я знаю, что у Георгия Караваева много рассказов, помимо нами напечатанных. Мы будем печатать их и впредь.

Но думается, что автору пора уже сложить книгу рассказов. Он — художник, которому есть, что сказать людям.

Владимир ГУСЕВ:

— Из критиков новых поколений я бы назвал, например, Сергея Чупринина. Не потому, что я с ним полностью согласен — отнюдь нет, — и не потому, что нет других умных и серьезных — они есть; а потому, что в Чупринине присутствует качество, чрезвычайно ценное именно в критике: он подлинно уважает литературу как идейно-духовное и оригинальное творчество, как стиль, как искусство. Он и сам пишет так, что за спокойными фразами ощущается его чувство ритма и все то, что называется художественным «сцеплением слов».

Вкусы у Чупринина достаточно избирательны и одновременно достаточно широки, что тоже хорошо. Чупринин принципиален, всегда вежливо остается при своем, но умеет чувствовать уважать, даже если это неблизкое ему чувство.

Такие люди нужны литера-

ОТ ПРИЗВАНИЯ — К ПРИЗНАНИЮ

туре. Может быть, Чупринину, как и некоторым другим литераторам его поколения, не хватает темперамента. Но для этого надо, чтобы его что-нибудь сильно рассердило или он кого-нибудь сильно полюбил. А за этим, я думаю, дело не станет. Жизнь есть жизнь.

Я хочу пожелать ему дальнейших успехов.

Виктор РОЗОВ:

— Александр Ремез поступил учиться в Литературный институт, что называется, в порядке исключения. Как правило, на драматургический факультет принимают людей, уже имеющих жизненный опыт, служивших в армии, работавших по несколько лет. А Ремеза приняли прямо со школьной скамьи. К этому времени им было написано уже несколько пьес. И в каждой из них сверкали искорки дарования. За это и приняли.

И недаром. Только в Москве идут его пьесы: «Путь» во МХАТе, «При жизни Шекспира» в Театре имени Гоголя, «Был выпускной вечер» в Центральном детском театре, «Грешница» в Театре Ленинского комсомола (совместно с режиссером спектакля П. Штейном). Им сделана инсценировка романа В. М. Шукшина «Степан Разин», поставленная в Театре имени Вахтангова. Знаю, что Ремез делает — а может быть, уже сделал — сценарий по своей пьесе «Местные». Кстати сказать, мне эта пьеса кажется весьма сильной, и я сожалею, что сценическая судьба ее была вялой.

Гадать не хочу, но предполагаю, что с возрастом, с приобретением того самого жизненного опыта — восторгов и мучений своей собственной судьбы — Александр Ремез напишет пусть немного, но несколько претличных пьес.